

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(2): 883-891
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.883

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Problem of Marriage and Family among Kazakhs in the Works of Russian Researchers of the XIX century

Kuralai B. Baudiyarova ^a, Gulzhan A. Meirmanova ^a, Meruyert K. Yegizbayeva ^{a, *}

^aAl-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article analyzes the problem of marriage and family among the Kazakhs as reflected in the works of pre-revolutionary Russian researchers of the nineteenth century. Particular attention is paid to the studies of A. Alektorov, N. Grodekov, L. Ballyuzek, G. Zagryazhsky, and V. Tronov, in which the characteristics of family and marital relations, traditional norms of family law, and the social institutions of Kazakh society were recorded. These studies considered the institution of marriage as an ethnographic phenomenon and as an element of social regulation that was of interest for the administrative practice of the imperial period. These works also form an important basis for the modern historiographical analysis of the problem of marriage and family among the Kazakhs.

Researchers sought to document the specific features of marital customs, family institutions, and their connection with traditional law. Attention was given to issues such as the bride price (*kalym*), marriage agreements, the role of clan relations, and the position of women within the family. These observations often had a dual character: on the one hand, they recorded rich ethnographic material; on the other, they reflected a colonial perspective that sought to compare Kazakh practices with Russian legal norms. Russian researchers noted that marital relations among the Kazakhs were closely connected with economic and social factors: marriage was regarded not only as a union between two individuals but also as a means of strengthening clan ties and economic interests. The family functioned as a key institution for preserving traditions, transmitting property, and raising children. The works also documented conflicts arising in cases of divorce, inheritance, and violations of marriage agreements.

Thus, nineteenth-century studies provide valuable insight into how Kazakh marital and family relations were perceived and interpreted within the context of imperial scholarship. At the same time, they serve both as a source of ethnographic data and as a reflection of the ideological attitudes of the era, which makes them an important resource for the modern analysis of Kazakhstan's cultural heritage and legal traditions. In conclusion, the significance of pre-revolutionary studies is emphasized as a foundation for contemporary historiographical analysis of the problem of marriage and family among the Kazakhs.

Keywords: marriage and family of the Kazakhs, ethnographic research, customary law, *kalym* (bride price), family institutions, pre-revolutionary studies, social regulation, historical ethnography, imperial period, historiography.

1. Введение

Во второй половине XIX – начале XX века Российская империя последовательно интересовалась изучением казахского общества. Представители имперской администрации и научного сообщества осуществляли комплексные исследования, направленные на анализ социальной структуры, семейно-родственных связей и брачных практик. В научный оборот были введены

* Corresponding author

E-mail addresses: egyzeavamk@gmail.com (M.K. Egyzbeava)

значимые этнографические материалы, фиксирующие специфику традиционных правовых норм, семейно-брачных обрядов, калыма и внутрисемейных отношений.

При этом собранные сведения имели не только академическую ценность, но и прикладное значение, они использовались для совершенствования колониальной административной практики, способствуя формированию системы контроля и регулирования общественных процессов в степных регионах. Таким образом, труды чиновников и этнографов имперского периода представляют собой важный историко-этнографический источник, требующий анализа и переосмысления.

В современном научном пространстве обращение к этим материалам позволяет глубже осмыслить историко-социальные изменения казахского общества, выявить преемственность между традиционной правовой системой и современными институтами права. Изучение эволюции семьи и брака способствует сохранению национальных ценностей и укреплению исторического сознания подрастающего поколения.

2. Материалы и методы

В представленной статье использован широкий круг источников и научных подходов, направленных на раскрытие семейно-брачных отношений казахского народа. В качестве основных источников исследования рассмотрены письменные отчеты, исторические очерки российских исследователей, военных чиновников конца XIX – нач. XX века (А.Е. Алекторова, Н.И. Гродекова, Л.Ф. Баллюзек, Г.С. Загряжский, В.Д. Тронева). В процессе исследования для наиболее полного раскрытия представленной темы были использованы историко-этнографический, хронологический, сравнительный и системный метод. Историко-этнографический анализ предполагает рассмотрение дореволюционных источников в политико-экономических и социальных аспектах. Применение хронологического подхода позволило при изучении трудов исследователей сохранить последовательность их публикаций, а также структурировать материалы по отдельным тематическим направлениям. Сравнительный метод позволяет анализировать сходства и различия в исследованиях. Системный метод, в свою очередь, обеспечивает классификацию и упорядочивание широкого круга источников, что способствует комплексному осмыслению исследуемой проблемы.

3. Обсуждение

В дореволюционный период появились труды исследователей, которые собирали сведения о семейно-брачных отношениях казахского народа и давали им научное описание. Большинство авторов были военными или чиновниками Российской империи, направленными в степные регионы для управления и изучения местного населения. В их трудах семья и брак рассматривались как ключевые институты, через которые можно понять социальную организацию казахского общества: калым, многожёнство, развод, наследование, роль старших в принятии решений. Исследователи фиксировали «обычное право» и традиции для того, чтобы встроить их в систему управления империи. Это придавало их работам двойственный характер с одной стороны, ценнейшие этнографические сведения, с другой – инструмент колониальной политики. Несмотря на субъективность, их труды стали основой для последующих исследований казахской семьи и брака. Советские этнографы и историки активно использовали эти материалы как первоисточники.

В результате вопросы брака и семьи казахского народа в XIX–XX веках стали объектом исследования этнографов. Прежде всего русский историк, этнограф, востоковед, чиновник и инспектор народных школ Оренбургского края и степных областей А.Е. Алекторов в своих трудах всесторонне проанализировал обычаи заключения брака и свадебные традиции казахов. В его исследованиях подробно рассматриваются брачные обряды и ритуалы, место и значение калыма, его размер, порядок совершения брачного договора, свадебное торжество, а также положение невесты в семье (Алекторов, 1893: 18).

Генерал, военный губернатор Сыр-Дарьинской области Н.И. Гродеков уделил внимание вопросам брака и семьи, описав свадебные обычаи, процедуры заключения брака, размеры калыма, случаи нарушения брачной верности, разводы, институт левирата, а также внутрисемейные отношения. Ценность его труда заключается в том, что автор приводит достоверные этнографические сведения, собранные в полевых условиях. На материале южных регионов Перовского, Аулиеатинского и Шымкентского уездов он анализирует влияние социальной неравномерности на размер калыма и виды подарков, преподносимых на разных этапах брачного процесса. Приводя ответы респондентов, исследователь характеризует состав калыма, свадебные обряды и особенности казахского быта. Данное исследование внесло значительный вклад в дальнейшее изучение истории и этнографии народов Средней Азии (Гродеков, 1889: 77).

Военный губернатор Тургайской области Л. Ф. Баллюзек в своих трудах описал основы казахского обычного права и нормы «адат». Основными темами исследования стали правовые нормы, внутрисемейные отношения и вопросы наследования. Работа состоит из девяти разделов, из которых второй посвящён особенностям казахского брака, обрядам сватовства, видам и порядку уплаты калыма, проблеме похищения невесты, расторжению брачных договоров и причинам разводов. Особенность труда заключается в объективном анализе правил «закона степи». В нём также

подробно рассмотрены судебные процедуры, меры наказания, нормы порядка и уголовные дела, связанные с обычным правом (Баллюзек, 1873: 45).

Исследователь Центральной Азии и Казахстана, начальник Токмакского и Перовского уездов Г.С. Загряжеский внёс значительный вклад в этнографическое изучение Туркестанского региона. В его трудах рассматриваются казахские обычные нормы, брачные отношения, правила уплаты калыма, вопросы расторжения брака и развода, внутрисемейные отношения и воспитание детей. Автор уделяет внимание правовым нормам, судебным процедурам, уголовным делам, клятве и штрафам, анализируя их в соответствии с действующими правовыми традициями. Особенность работы заключается в системной классификации разделов и предоставлении широкого этнографического материала по конкретным пунктам (Загряжеский, 1876: 151).

Этнограф, специалист в области обычного права казахов, военный юрист В.Д. Тронов анализировал юридическую сторону семейных отношений, брачные контракты. Проведя глубокий анализ брачных обрядов, состава калыма, обряда проводов невесты (узату той), вопросов приданого и наследования, автор останавливается на каждом из этих аспектов отдельно (Тронов, 1891: 71).

О. Шкапский в своих исследованиях опирался на законы адат, обычаи и традиции Центральной Азии, касающиеся положения женщин, внутрисемейных отношений и заключения брака (Шкапский, 1896: 21).

А.И. Добросмыслов в своей работе анализирует судебные процедуры, нормы и порядок разрешения споров в традиционном обществе. Он рассматривает брачные нормы, заключение брака, внутрисемейные отношения, положения женщины, семейные споры в суде (Добросмыслов, 1904: 42).

Проблемы брака и семьи отражены в трудах первых казахских исследователей А. Диваева и И. Алтынсарина. И. Алтынсарин, анализируя брачные обряды в Оренбургском крае, даёт этнографическое описание таких традиций, как сватовство, выплата калыма, заключение брака, проводы невесты и проведение свадебного торжества (Алтынсарин, 1870: 101).

А. Диваев посвятил свои исследования описанию свадебных обрядов казахов Сырдарьинской области. В его трудах рассматриваются сватовство, калым, обычаи урын бару (тайное посещение женихом невесты до свадьбы), брачные ритуалы, неке кию (совершение брачного обряда) и организация свадебного торжества. Особая этнографическая ценность работы заключается в том, что исследователь впервые зафиксировал на бумаге исполнение свадебной песни «Жар-жар» (Диваев, 1900: 3).

Указанные труды нашли отражение в последующих исследованиях. Н. Малышев, Л.А. Словохотов, А.И. Добросмыслов и А.И. Мякутин широко использовали их в своих научных работах. Так, Н. Малышев изучал социальную жизнь и быт казахов, уделяя внимание власти мужчины в семье, составу семьи, многожёнству и институту левирата (Малышев, 1902: 8). Л.А. Словохотов подробно рассмотрел нормы обычного права, брачные ритуалы, сватовство и порядок уплаты калыма (Словохотов, 1905: 83). А.И. Мякутин проанализировал структуру казахской семьи, обряд заключения брака и положение женщины в обществе (Мякутин, 1910: 23). С.А. Фукс в своих трудах рассмотрел казахское обычное право, брачные нормы, вопросы развода, институт левирата и систему калыма (Фукс, 1981: 56). Эти исследования существенно дополнили этнографические сведения о браке и семье.

После установления советской власти появились работы Б. Куфтина, Ф. Фиельструп и И.Д. Старынкевича. Многие статьи были посвящены роли женщины в семье и внутрисемейным отношениям. В данных исследованиях использованы материалы, ранее опубликованные в XIX веке. В этнологическом очерке Б. Куфтин описал культуру и быт казахов, семью и положение женщины в обществе (Куфтин, 1926: 10). И.Д. Старынкевич исследовал формы заключения брака у казахов, киргизов, туркмен и сибирских тюрков, предложив глубокие теоретические выводы (Старынкевич, 1930: 215). Исследователь казахской этнографии Ф.А. Фиельструп в своей работе анализировал свадебные обычаи, обряд «кыз узату» (проводы невесты), обряд «беташар» (открывание лица невесты) и ритуалы заключения брака (Фиельструп, 2002: 14).

Особое значение имеет исследование Х.А. Аргынбаева, одного из ведущих отечественных этнографов. Он изучил все направления традиционной этнографии казахов материальную, хозяйственную, духовную культуру, а также брачно-семейные отношения. Его труд охватывает весь Казахстан до и после Октябрьской революции и представляет собой первое комплексное исследование, где подробно описаны формы семьи и брака, различные семейные и брачные отношения, обряды сватовства, уплаты калыма, дарения приданого, а также современные трансформации казахской семьи и брака (Аргынбаев, 1973: 22).

Н.А. Кисляков исследовал историю брака и семьи у народов Средней Азии. В его трудах проводится сравнительный анализ семейных обычаев и традиций казахов, киргизов, туркмен и других тюркских народов, включая сватовство, обряд кыз узату (провод невесты), обряд введения невесты в дом и свадебные торжества (Кисляков, 1969: 21).

4. Результаты

В трудах этнографов и историков XIX века казахские брачные и семейные традиции описывались преимущественно как патриархальные и традиционные. Этот процесс мог начинаться

ещё в младенческом возрасте ребёнка. В отдельных случаях двое друзей, желая увековечить свою дружбу, договаривались о браке своих детей (Баллюзек, 1873: 68). Казахский брачный институт в XIX веке был тесно связан с практикой уплаты калыма, который рассматривался как главный условный элемент заключения брака. Все исследователи отмечают, что калым должен быть полностью выплачен до вступления в брак. Само вступление в брак происходило после достижения брачными сторонами совершеннолетия, которое определялось в среднем с 13–15 лет (Алекторов, 1893: 18). По данным Н.И. Гродекова, в Перовском уезде женились в возрасте 12–15 лет, в Казалинском уезде встречались браки даже в 9–12 лет, а в Шымкентском уезде возрастной диапазон составлял примерно 20–25 лет (Гродеков, 1889: 55).

После сватовства жених отдавал выкуп невесты. Калым выплачивался отцу или родственникам невесты (Загряжеский, 1876: 155). Т. Тронов фиксировал, что в среднем браки заключались в возрасте 17–20 лет, при этом состоятельные могли жениться уже в 14 лет, а испытывающие затруднения при уплате калыма в 30–35 лет (Тронов, 1891: 71). Согласно брачным нормам, казахи не имели права вступать в брак с представителями иной религии, жених также не мог жениться без согласия отца (Загряжеский, 1876: 155). Перед заключением брака он подыскивал подходящую семью для сватовства. Для этого отец жениха или доверенное лицо отправлялись в аул невесты. В ходе обряда накрывался дастархан, хозяин дома просил гостей дать бата (благословение) на заклание барана, что символизировало согласие сторон. Сваты угощались дастарханом, им преподносили «куйрык-бауыр» (символ доверия и крепких связей), который служил неоспоримым доказательством заключённого союза. На следующий день отец и родственники невесты вручали «киит» (подарки), масштаб которых зависел от их материального положения: от целых табунов лошадей и верблюдов до простого шапана или бешпента. С этого момента начиналась выплата калыма (Алекторов, 1893: 20).

По наблюдениям А. Алекторова, калым исчислялся условной единицей жиырма (двадцать), включавшей определённое количество скота: жеребая кобыла и четыре жеребца (всего двенадцать голов), четырёх двухлетних жеребят, двух жеребят и двух трёхлетних коней – всего двадцать голов. Аналогично считались коровы и овцы: шестьдесят овец приравнивались к «жиырма» (двадцать). Две лошади и две верблюдицы или четыре атана также составляли «жиырма». Средняя стоимость такой единицы оценивалась в 150 рублей. При этом для казахов важным было не только количество, но и вид скота, что определяло состав калыма (Алекторов, 1893: 20).

Н.И. Гродеков и Л.Ф. Баллюзек отмечали, что размер калыма зависел от социального статуса семьи. Калым представлял собой количество скота, передаваемого родителям или опекунам невесты. При этом от вдовца, вступающего в повторный брак, требовался более высокий калым, чем от юноши, женившегося впервые. Н.И. Гродеков фиксировал различия в размерах калыма по уездам, что отражало региональные особенности. Материалы по Перовскому уезду подтверждают, что калым являлся отражением социальной структуры казахского общества конца XIX – начала XX вв. Его состав и объём варьировались в зависимости от имущественного статуса, при этом сохранялась единая обрядово-правовая основа (Гродеков, 1889: 77).

Н.И. Гродеков отмечает, что в настоящее время указанные структурные элементы калыма в значительной степени утрачены. В тех случаях, когда они сохраняются, «бас жаксы» (хорошее начало) возвращается отцом невесты в форме киита (подарок). В Перовском уезде размер калыма составлял двадцать семь саулык (27 овец). Существовала также разновидность калыма «домалак калым» (округленный калым), под которым понималась общая сумма выплачиваемого скота или денежных средств. Тоймал и ілу в эту сумму не включались (Гродеков, 1889: 78). У зажиточных казахов структура калыма сохранялась, но объём выплат был сокращён. В бедных семьях наблюдается упрощение калыма: вместо крупных имущественных выплат допускались денежные и натуральные формы, а отдельные элементы могли отсутствовать. Гибкость традиционного права позволяла адаптировать брачные отношения к экономическим условиям, сохраняя при этом обрядово-правовую основу института калыма (Гродеков, 1889: 83).

Стороны (кудалар) не заключают специального соглашения относительно размера тоймала, его величина определяется социальным положением жениха до вступления в брак. По сведениям Н. Гродекова, отец жениха предоставляет в качестве подарков (киит) предметы престижного характера: молодняк и скот (лошадей, верблюдов), ковры, шубы, чапаны, рубахи и т.д. Кроме того, дарится головной убор невесты сзукеле и свадебный платок красного цвета (желек), который носится в течение года (Гродеков, 1889: 68).

По сведениям Л.Ф. Баллюзека, в казахском брачном праве выделялись следующие виды калыма:

Бас жаксы. В состав «бас жаксы» входили четыре престижных предмета: качественное оружие, доспехи (для защиты от барымты), породистый скакун, победитель нескольких скачек, верблюд, удобный для кочёвок. Стоимость каждого предмета приравнивалась к пяти головам крупного рогатого скота, то есть за весь комплект выплачивалось 20 голов скота (известных как «жиырма»). Данная форма калыма сохранялась преимущественно в Тургайской и Уральской областях.

Кара мал. «Кара мал» составлял основную имущественную часть калыма. Его объём варьировался от одной до пяти «жиырма», а в отдельных случаях достигал шести-семи «жиырма».

В Тургайской области размер «кара мал» для зажиточных семей составлял 47 голов скота, для семей среднего достатка 37 голов, что отражало социальную дифференциацию выплат.

«Лу» представлял собой часть калыма, выплачиваемую при первом визите жениха к невесте урын келу. По традиционным нормам такой визит разрешался после достижения невестой 14-летнего возраста. Размер «лу» колебался от 30 до 80 голов лошадей, а в некоторых случаях до 10 верблюдов. Эта выплата имела символическое и материальное значение, закрепляя брачные обязательства сторон.

Тоймалы скот, передаваемый в день свадебного торжества некеге туру. Размер тоймалы варьировался от 20 до 70 лошадей. В день свадьбы жених, помимо выплаты тоймала, обеспечивал материал для покрытия юрты кииз, что являлось обязательным элементом свадебной подготовки.

Сұтақы – дар матери невесты, представлявший собой 1–7 верблюдов. Данная выплата имела символическое значение, признавая вклад матери в воспитание дочери и закрепляя социальные связи между родами.

Жігіт түйе, калын түйе – выплата, включавшая два верблюда. Этот элемент калыма рассматривался как престижный дар и подчеркивал статус брачного союза. Каде – подарки, которые жених преподносил родственникам невесты. Традиционная формула «калынсыз кыз болмайды, кәдесіз күйеу болмайды» отражала обязательный характер взаимных даров в процессе заключения брака. Бала калын, упрощённая форма калыма, применявшаяся в зависимости от имущественного положения сторон. В этом случае размер калыма уменьшался на 5, 10 или 15 голов скота по сравнению с классическими нормами (47 или 37 голов). Дөңгелек калын минимальная форма калыма, состоявшая из 10 голов крупного рогатого скота и применявшаяся преимущественно в бедных семьях. Согласно данным Л. Баллюзека, общий объём калыма варьировался: для зажиточных семей 100–150 голов скота, для семей среднего достатка 75–100 голов, при бала калын 20–40 голов, при дөңгелек калын 10 голов (Баллюзек, 1873: 75).

Система семейно-брачных отношений регулировалась строгими правовыми нормами. Невыплата калыма лишала жениха права на заключение брака. Если невеста похищалась до завершения выплат, к сумме калыма добавлялся штраф (аттон айып). В случае, когда калым был выплачен, но родители невесты задерживали брак, штраф не взыскивался, однако жених имел право требовать только приданое. Нарушение брачных договорённостей влекло имущественную ответственность. При отказе жениха от помолвки задаток каргы бау не возвращался. Если же от помолвки отказывались родители невесты, помимо возврата задатка взыскивался штраф. После ритуала куйрык-бауыр и официального отказа жениха он обязан был компенсировать все расходы на подготовку брака. В случае похищения замужней женщины виновный обязан был возместить ущерб её супругу, возвращались скот и имущество (түйе, ат, огиз) в размере трёх тогызов, что отражало материальную и правовую ответственность за нарушение семейных отношений (Баллюзек, 1873: 84).

Обычаи, связанные с внезапной смертью жениха или невесты. Если невеста умирает, родители девушки вместо неё дают другую дочь, а если дочери нет, возвращают калым (Загряжеский, 1876: 89). Если жених успел совершить «урын бару» тайно посетить невесту при её жизни, то за её сестру к калыму добавляется «түйе бастаған тогыз» (девятка, начинающаяся с верблюда). Если жених отказывается жениться на сестре, калым не возвращается. Если родители невесты после её смерти отказываются дать другую дочь, они добавляют к калыму ещё одну «девятку». Если жених полностью выплатил калым до свадьбы, а невеста умерла, родители девушки вместо калыма дают её приданое. В случае смерти жениха эти правила также соблюдаются. Если у умершего жениха есть брат, то если он холост дают одну лошадь, если женат «түйе бастаған тогыз». Если братьев или младших нет, родители невесты возвращают калым. Если жених успел выплатить калым полностью до свадьбы, приданое невесты отправляется родителям жениха, и там один из родственников женится на ней (Баллюзек, 1873: 88).

После того как половина калыма выплачена, жених впервые идёт к невесте. Перед этим отец устраивает праздник, благословляет сына и отправляет его в путь. Этот обычай называется «урын бару» тайное посещение невесты без ведома её родителей (Алекторов, 1893: 66). Жениха наряжают в дорогую одежду, сажая на коня с красивой серебряной сбруей. На голову надевают украшенный тюбетейку или тымак, лицо должно быть скрыто. До свадьбы жених не должен попадаться на глаза старшим. Его сопровождают друзья. В первый визит он приносит «жыртыс», «кызкашар», «ілу». Женщины, выбежавшие навстречу, получают «ентикпе». Привязавшей коня женщине, дают «атбайлар». Организующая встречу женге получает «женгейлик». «Жыртыс» включает: *кыз құшақтар, шаш сипатар, қол ұстатар, төсек салар, шымылдық байлар*. «Кызкашар» увоз девушки в соседний аул, за что дарят серебряный слиток. Все эти обряды жених обязан выполнить. Женщины говорят: «Ат өлсе де, каде олмейди» (Лошадь может умереть, но обряд не исчезает) или «Калынсыз кыз болады, кадесіз болмайды» (Без калыма может быть девушка, но без обряда нет) (Гродеков, 1889: 71).

Когда жених приезжает в аул невесты, братья девушки смотрят на «ілу» принесённый скот (40–50 лошадей). Если их не устраивает, жениха не пускают в аул и отправляют обратно. Недалеко от аула ставят шагёр, где женщины встречают жениха. При встрече он кланяется, совершает обряд с

огнём: «От ана, май ана жарылка» (Мать-огонь, мать-масло, благослови). Его ведут в шатёр с ковром и постелью, где он раздаёт «кэде» женщинам. Старший друг распределяет подарки. Среди друзей есть певцы и шутники. «Ұрын келу» продолжается до свадьбы (Тронов, 1891: 76).

До свадьбы в доме отца невесты проводится праздник, называемый коспа той. В этот день ставится новая юрта, которая считается частью приданого невесты (Алекторов, 1893: 28). В это время совершается обряд «отау жабар». За закрытие юрты женщины получают особый дар «отау жабар кэдесі». При закрытии тундика они бросают внутрь шейный позвонок барана, что символизирует пожелание: «Пусть из тундика выйдет огонь, но дом не будет задымлён». На «мойынтастар кэдесі» дарят барана (Гродеков, 1889: 85).

В день свадьбы невеста, увидев свою юрту, прощается с родственниками, исполняя обрядовую песню сынсу. В это время юноши её аула окружают невесту, а друзья жениха пытаются её «отнять». Откупиться от них можно только подарками. В Младшем и Среднем жузе невесту усаживают на ковер и водят по аулу для прощания, в Старшем жузе она сама обходит родных (Алекторов, 1893: 40).

Обряд неке кию религиозное заключение брака. Для этого приглашается мулла. По сведениям А. Алекторова, разводится большой костёр, вокруг которого раскладываются платки и ткани. Мулла усаживает молодых в центр, берёт сосуд с водой из рук отца жениха, накрывает его и читает молитву. Затем он спрашивает согласие присутствующих и даёт молодым трижды отпить воду. Иногда в воду кладут стрелу с привязанным конским волосом, связанным с именами молодых, или бумагу с молитвой. В обряде участвуют минимум два свидетеля. Само неке кияр означает публичное объявление брака. По данным Н.И. Гродекова, в Казалинском уезде в чашу с водой кладут серебряное кольцо или серьгу, накрывают белым платком. После чтения Корана супруги пьют «неке суы», остаток передают свидетелям, а платок раздают им (Гродеков, 1889: 80).

Жених дарит мулле подарок за совершение обряда. Тесть вручает жениху последний дар неке акы. В ходе сватовства родителям жениха преподносят «киітке бас жылкы» главную лошадь. Отцу жениха дарят серебряный слиток или 15–20 лошадей, остальным родственникам меньшие дары (Тронов, 1891: 83).

После обряда женщины снимают головной убор невесты и повязывают ей платок, сопровождая это песнями. Жених пытается увести невесту, женщины сопротивляются, и игра завершается дарением каде. При входе в юрту одна женщина ложится у порога, получая «кемпір өлді кэдесі». Женгелер просят жениха поднять невесту на постель, но он отказывается, считая это неприличным для мужчины. Тогда сильная женщина поднимает невесту и получает «кыз көтерер кэдесі». На следующий день женгелер снимают «неке жаулык» и требуют вознаграждение (Гродеков, 1889: 80). На следующий день отец невесты впервые приглашает молодых в дом. Жениха не сажают на почётное место, а усаживают у стены, что символизирует связь между двумя родами. Ему подносят «тос» и кладут деньги в блюдо каде (Алекторов, 1893: 66). При отъезде молодых весь аул собирается. Тесть торжественно вручает приданое, погруженное на верблюдов и лошадей. Невеста прощается с родными песней сынсу и отправляется в путь. В ауле жениха её встречают женщины, покрывают сэкеле вуалью, вводят в юрту и привязывают конец платка к камчи. Стихами представляют её родственникам, наставляют в правилах поведения. После беташар женщины спешат посмотреть приданое. На свадьбе жених раздаёт подарки муше. Главный дар шёлковый халат или конь, преподносимый султану или уважаемому человеку. Остальные дары распределяются между старшими рода. Последний дар кусок шёлка или ткани один из гостей вырывает и уносит на коне, а кто догонит, тот и получает (Алекторов, 1893: 71). На свадьбе ставят две-три юрты, режут баранов, устраивают угощение и национальные игры. После скачек юноши пытаются сорвать покрытие юрты, женщины отбиваются, не подпуская их. Этот обряд называется үй мүшелуеу.

В семейных отношениях невестка не называет имён мужа и его родственников. Отца мужа она называет «ата» или «мырза». Братьев и сестёр мужа «төрем», «шырак», «жаркын», «шырайлым», «бикеш». Жена обязана исполнять волю мужа, не имеет права претендовать на имущество мужа и детей. Муж распоряжается имуществом жены по необходимости. Женщина может заниматься торговлей только с разрешения мужа. Мужчины, опасаясь гнева бога, не называли точное число детей и скота (Гродеков, 1889: 73).

5. Заключение

Изучение брака и семьи казахов в трудах русских исследователей XIX века имеет важное историографическое значение. Эти материалы не только фиксируют этнографические детали, но и демонстрируют методологические подходы, характерные для эпохи. Исследователи А. Алекторов, Н. Гродеков, Л. Баллюзек, Г. Загряжского, Т. Тронов и другие стремились систематизировать наблюдения, используя сравнительно-описательный метод, уделяя внимание как ритуальной, так и правовой стороне брачных отношений. Труды указанных этнографов всесторонне описывают брачные обряды и институт семьи казахов. Они рассматривали традиционные нормы не только как этнографический материал, но и как элемент социально-правового регулирования, представляющий интерес для административного управления. Н. Гродеков и Г. Загряжский уделяли особое внимание процессуальным особенностям суда биев, высоко оценивая его принципы справедливости и

примирительного урегулирования споров. В свою очередь, Л. Баллюзек стремился систематизировать данные нормы с административной точки зрения и предпринял попытку их кодификации, определяя сферы их практического применения. А. Алекторов описывал правовые отношения в казахской степи преимущественно в широком историко-этнографическом контексте, выступая в роли внешнего наблюдателя. Т. Тронов более глубоко обращался к уголовно-правовым аспектам, в частности к эволюции института выплаты куна. Данные исследования отражают особенности научного пространства своего времени, в настоящее время остаются ценным источником для изучения историко-культурного развития казахского общества и эволюции семейных институтов.

Литература

Алекторов, 1893 – Алекторов А. Очерки Внутренней Киргизской орды // *Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества*. 1893. С. 18-49.

Алтынсарин, 1870 – Алтынсарин И. Очерк обычаев при сватовстве и свадьбе у киргизов Оренбургского ведомства // *Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества*. 1870. Вып. 1. С. 101-122.

Аргынбаев, 1973 – Аргынбаев Х. Казах халкындағы семья мен неке (Семья и брак у казахов). Алма-Ата: Ғылым, 1973. 288 с.

Баллюзек, 1873 – Баллюзек Л.Ф. Народные обычаи имевшие, а отчасти ныне имеющие малой киргизской орде силу закона // *Туркестанский Сборник*. Т.76. 1873. С. 45-167.

Гродеков, 1889 – Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сырь-Даринской области. Т. 1. Юридический быт. Ташкент, 1889. Глава VI. 298 с.

Диваев, 1900 – Диваев А. О свадебном ритуале киргизов Сырдарьинской области // *Записки Императорского Казанского Университета*. 1900. С. 1-27.

Добросмыслов, 1904 – Добросмыслов А.И. Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX веках. Казань, 1904. 105 с.

Загряжеский, 1876 – Загряжеский Г.С. Юридический обычай киргизов о различных родах состояний им присвоенных // *Материалы для статистики Туркестанского края*. Вып. 4. СПб, 1876. С. 151-202.

Кирпиченко, Нарыжная, 2012 – Кирпиченко Т.В., Нарыжная С.М. Н.И. Гродеков и его научный труд «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области» // *Библиосфера*. 2012. № 2. С. 15-22.

Кисляков, 1969 – Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1969. 239 с.

Куфтин, 1926 – Куфтин Б.А. Киргиз-казахи. Культура и быт: этнологический очерк. М., 1926. С. 10-11.

Мальшев, 1902 – Мальшев Н. Обычное семейное право киргиз. Ярославль, 1902. 104 с.

Мякутин, 1910 – Мякутин А.И. Юридический быт киргизов. Оренбург, 1910. 180 с.

Словохотов, 1905 – Словохотов Л.А. Народный суд обычного права киргиз Малой Орды. Оренбург, 1905. 156 с.

Старынкевич, 1930 – Старынкевич И.Д. Формы заключения брака у турецких племен Сибири и у кочевников Средней Азии // *Музей антропологии и этнографии АН СССР*. Л., 1930. Т. 9. С. 215-235.

Сураганова, 2009 – Сураганова З.К. Обмен дарами в казахской традиционной культуре. Астана, 2009. 192 с.

Тронов, 1891 – Тронов Т. Обычаи и обычное право киргиз // *Записки Императорского Русского Географического общества по отделению этнографии*. Т. XVII. Вып. II. СПб, 1891. С. 71-86.

Фиельструп, 2002 – Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.: Наука, 2002. 307 с.

Фукс, 1981 – Фукс С.Л. Обычное право казахов в XVIII – первой половине XIX в. Алматы, 1981. 224 с.

Шкапский, 1896 – Шкапский О. Положение женщины у кочевников Средней Азии // *Среднеазиатский вестник*. Ташкент, 1896. № 6–7. С. 17-27.

References

Alekторов, 1893 – Alektorov, A. (1893). Ocherki Vnutrennei Kirgizskoi ordy [Essays on the Inner Kirghiz horde]. *Izvestiya Orenburgskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Pp. 18-49. [in Russian]

Altynsarin, 1870 – Altynsarin, I. (1870). Ocherk obychaev pri svatovstve i svad'be u kirgizov Orenburgskogo vedomstva [An essay on matchmaking and wedding customs among the Kirghiz of the Orenburg department]. *Zapiski Orenburgskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1: 101-122. [in Russian]

Argynbaev, 1973 – Argynbaev, Kh. (1973). Kazak halkyndaғы sem'ya men neke (Sem'ya i brak u kazakhov) [Family and marriage among the Kazakhs (Kazakhs)]. Alma-Ata: Fylym. 288 p. [in Kazakh]

- Ballyuzek, 1873** – *Ballyuzek, L.F.* (1873). Narodnye obychai imevshie, a otchasti nyne imeyushchie maloi kirgizskoi orde silu zakona [Folk customs that had, and partly still have, the force of law in the minor Kirghiz horde]. *Turkestanskii Sbornik*. 76: 45-167. [in Russian]
- Divaev, 1900** – *Divaev, A.* (1900). O svadebnom rituale kirgizov Syrdar'inskoi oblasti [On the wedding ritual of the Kirghiz of the Syr-Darya region]. *Zapiski Imperatorskogo Kazanskogo Universiteta*. Pp. 1-27. [in Russian]
- Dobrosmyslov, 1904** – *Dobrosmyslov, A.I.* (1904). Sud u kirgiz Turgaiskoi oblasti v XVIII i XIX vekakh [Court among the Kirghiz of the Turgai Region in the 18th and 19th centuries]. Kazan'. 105 p. [in Russian]
- Fiel'strup, 2002** – *Fiel'strup, F.A.* (2002). Iz obryadovoi zhizni kirgizov nachala XX veka [From the ritual life of the Kyrgyz at the beginning of the 20th century]. M.: Nauka. 307 p. [in Russian]
- Fuks, 1981** – *Fuks, S.L.* (1918). Obychnoe pravo kazakhov v XVIII – pervoi polovine XIX v. [Customary Law of the Kazakhs in the 18th – first half of the 19th centuries]. Almaty. 224 p. [in Russian]
- Grodekov, 1889** – *Grodekov, N.I.* (1889). Kirgizy i karakirgizy Syr'-Darinskoi oblasti [Kirghiz and Karakirghiz of the Syr-Darya Region]. T. 1. Yuridicheskii byt. Tashkent. Glava VI. 298 p. [in Russian]
- Kirpichenko, Naryzhnaya, 2012** – *Kirpichenko, T.V., Naryzhnaya, S.M.* (2012). N.I. Grodekov i ego nauchnyi trud «Kirgizy i karakirgizy Syr-Dar'inskoi oblasti» [Grodekov and his scientific work “Kirghiz and Kara-Kirghiz of the Syr-Darya region”]. *Bibliosfera*. 2: 15-22. [in Russian]
- Kislyakov, 1969** – *Kislyakov, N.A.* (1969). Ocherki po istorii sem'i i braka u narodov Srednei Azii i Kazakhstana [Essays on the history of family and marriage among the peoples of Central Asia and Kazakhstan]. L.: Nauka. 239 p. [in Russian]
- Kuftin, 1926** – *Kuftin, B.A.* (1926). Kirgiz-kazakhi. Kul'tura i byt: etnologicheskii ocherk [Kirghiz-Kazakhs. Culture and life: ethnological essay]. M. Pp. 10-11. [in Russian]
- Malyshev, 1902** – *Malyshev, N.* (1902). Obychnoe semeinoe pravo kirgiz [Customary family law of the Kirghiz]. Yaroslavl'. 104 p. [in Russian]
- Myakutin, 1910** – *Myakutin, A.I.* (1910). Yuridicheskii byt kirgizov [Legal life of the Kirghiz]. Orenburg. 180 p. [in Russian]
- Shkapskii, 1896** – *Shkapskii, O.* (1896). Polozhenie zhenshchiny u kochevnikov Srednei Azii [The position of women among the nomads of Central Asia]. *Sredneaziatskii vestnik*. Tashkent. № 6–7. Pp. 17-27. [in Russian]
- Slovokhotov, 1905** – *Slovokhotov, L.A.* (1905). Narodnyi sud obychnogo prava kirgiz Maloi Ordy [People's court of customary law of the Kirghiz of the little horde]. Orenburg. 156 p. [in Russian]
- Starynkevich, 1930** – *Starynkevich, I.D.* (1930). Formy zaklyucheniya braka u turetskikh plemen Sibiri i u kochevnikov Srednei Azii [Forms of marriage among the Turkish tribes of Siberia and the Nomads of Central Asia]. Muzei antropologii i etnografii AN SSSR. L. T. 9. Pp. 215-235. [in Russian]
- Suraganova, 2009** – *Suraganova, Z.K.* (2009). Obmen darami v kazakhskoi traditsionnoi kul'ture [Gift exchange in Kazakh traditional culture]. Astana. 192 p. [in Russian]
- Tronov, 1891** – *Tronov, T.* (1891). Obychai i obychnoe pravo kirgiz [Customs and customary law of the Kirghiz]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii*. T. XVII. Vyp. II. SPb. Pp. 71-86. [in Russian]
- Zagryazheskii, 1876** – *Zagryazheskii, G.S.* (1876). Yuridicheskii obychai kirgizov o razlichnykh rodakh sostoyanii im prisvoennykh [The Legal custom of the Kirghiz concerning the various social statuses assigned to them]. *Materialy dlya statistiki Turkestanskogo kraya*. Vyp. 4. SPb. Pp. 151-202. [in Russian]

Проблема брака и семьи казахов в трудах русских исследователей XIX века

Куралай Батырбековна Баудиярова ^a, Гулжан Асановна Мейрманова ^a,
 Меруерт Карпыковна Егизбаева ^{a, *}

^a Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

Аннотация. В статье анализируется проблема брака и семьи казахов в трудах дореволюционных российских исследователей XIX века. Особое внимание уделяется работам А. Алекторовой, Н.И. Гродекова, Л.Ф. Баллюзека, Г. Загряжского и В. Тронова, в которых зафиксированы особенности семейно-брачных отношений, традиционных норм семейного права и социальных институтов казахского общества. Исследования рассматривали институт брака как этнографический феномен в качестве элемента социального регулирования, представляющий интерес для административной практики имперского периода. современного историографического анализа проблемы брака и семьи казахов.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: egyzbavamk@gmail.com (М.К. Егизбаева)

Исследователи стремились зафиксировать особенности брачных обычаев, институтов семьи и их связь с традиционным правом. Особое внимание уделялось вопросам калыма, брачных договоров, роли родовых связей и положения женщины в семье. Эти наблюдения часто носили двойственный характер: с одной стороны, они фиксировали богатый этнографический материал, с другой отражали колониальный взгляд, стремившийся сопоставить казахские практики с российскими правовыми нормами.

Русские исследователи отмечали, что брачные отношения у казахов были тесно связаны с экономическими и социальными факторами: брак рассматривался не только как союз двух индивидов, но и как средство укрепления родовых связей и хозяйственных интересов. Семья выступала ключевым институтом сохранения традиций, передачи имущества и воспитания детей. В трудах фиксировались также конфликты, возникавшие при разводах, наследовании и нарушении брачных договоров.

Таким образом, исследования XIX века дают ценное представление о том, как брачно-семейные отношения казахов воспринимались и интерпретировались в контексте имперской науки. Они одновременно служат источником этнографических данных и отражением идеологических установок эпохи, что делает их важным материалом для современного анализа культурного наследия и правовых традиций Казахстана. В заключении подчёркивается значение дореволюционных исследований как основы для современного историографического анализа проблемы брака и семьи казахов.

Ключевые слова: брак и семья казахов, этнографические исследования, обычное право, калым, семейные институты, дореволюционные исследования, историческая этнография, имперский период, историография, социальное регулирование.